

МАРК ТВЕН

Часто самый верный способ ввести человека в заблуждение — сказать ему чистую правду

ВСЕГДА ПОМНИТЕ
О СУТИ ВЕЩЕЙ...
ИСКУССТВО
РАЗМЫШЛЯТЬ

америка — искусство размышлять о времени и о себе

Мыслители эпох. Классика

Марк Твен

Всегда помните о сути вещей...
Искусство размышлять

«Издательство АСТ»

УДК 821.111(93)73

ББК 84(Сое)-44

Твен М.

Всегда помните о сути вещей... Искусство размышлять /
М. Твен — «Издательство АСТ», — (Мыслители эпох. Классика)

ISBN 978-5-17-151188-3

Марк Твен умел несколькими словами выразить истинную суть любого явления, охарактеризовать человека или описать ситуацию так, что это становилось афоризмом. Всю жизнь он изучал человечество, бездны его пороков и вершины величия. В своих произведениях Марк Твен смеялся над ним — иронично, зло, с состраданием. Он как будто подносил зеркало и говорил: смотрите, люди, вы вот какие, исправьтесь. Никто вам не поможет: ни царь, ни бог, ни герой, ни демократия. Давайте сами. Предлагаем и вам, дорогие читатели, посмотреться в это зеркало. Приобщиться к искусству размышлять о времени и о себе. С путеводной звездой по имени Марк Твен это будет забываемо.

УДК 821.111(93)73

ББК 84(Сое)-44

ISBN 978-5-17-151188-3

© Твен М.

© Издательство АСТ

Содержание

Предисловие от составителя	6
Глава 1. Био-Марк	8
Глава 2. «Отпусти на волю свои пороки!»	20
Глава 3. «Пьяный бродяга угнетал мою совесть...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марк Твен
Всегда помните о сути вещей...
Искусство размышлять

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Предисловие от составителя

Марк Твен – один из любимейших моих авторов. Как патриот, рьяный любитель русской словесности и писатель, считающий себя (пусть, может, и самонадеянно, но все равно считающий) продолжателем традиций Аксакова, Афанасьева, Некрасова, Бунина, Астафьева, я, тем не менее, всегда сверяюсь с генеральной линией его творчества. Убедительность гуманизма Марка Твена, острота юмора, психологизм плюс знание особенностей детского восприятия мира, умение строить сюжет и особенно диалоги, понятность в изложении философских мыслей – все это для меня камертон. Да, где-то рядом стучат кирки и свистят по снегу лыжи Джека Лондона, звонят соборные колокола Виктора Гюго, играет скрипка персонажа, которого придумал англичанин Конан Дойль, хор любимых русских писателей ведет основную линию. Все это – мое, мое, слыша эту писательскую симфонию, я восхищаюсь, я собираюсь, я нахожу в себе творческие силы, ведь желание «не посрамить» некоторых стимулирует. Меня очень стимулирует. Поэтому камертон действует.

Но как же это так получается, что американец, насмешник, тот, кто почти всю жизнь был закоренелым атеистом, имеет надо мной, как над писателем, такую власть? Что-то есть, значит, особенное в его текстах, которые хороши практически в любом переводе. Наверное, дело в алмазной, кристально-чистой, незамутненной нормальности – и текстов Марка Твена, и, конечно же, в первую очередь его самого как человека.

Марк Твен любил индейцев. Для меня, как для верного друга индейцев, это тоже камертон. В краях, где он родился и рос, а затем в крупных и мелких городах, где жил и работал, индейцев водилось уже мало. В основном это были несчастные, которых нельзя назвать иначе как насмешкой над идеей человека. Писатель Марк Твен считал их людьми. Даже таких, как его злодейский персонаж индеец Джо.

Да еще и негры, эти чернокожие рабы великих свободных американцев... Как южанин и сын южан, Марк Твен имел с рабовладением свои счета. Так точно, емко и справедливо подписать ему приговор смог тоже именно он.

Цитат из произведений Марка Твена об институте рабства в данной книге довольно много – хотя и одной хватило бы, чтобы душа прочитавшего этот текст человека перевернулась, а мозг навсегда отказался бы от признания идеи, что можно делать одних людей рабами других. И вообще их много будет, самых разных цитат из разных произведений этого автора. Все они так или иначе связаны с размышлениями о том, как начальствовать над сотрудниками и рабами, собственными супругами и домочадцами, как руководить общественным мнением, широкими народными массами и, конечно же, управлять своими пороками, желаниями и... литературной карьерой. Какие-то цитаты окажутся короткими, ведь Марк Твен – непревзойденный мастер афоризма, а какие-то развернутыми: сценками, эпизодами, монологами или диалогами. Это для того, чтобы можно было наслаждаться – меткостью описаний (назвал, как припечатал), упругостью пружины сюжета даже небольшой сценки, мудростью и точностью незабываемой афористичности, блистательностью юмора и умением Марка Твена заряжать читателей радостью жизни. Даже когда он с горькой иронией повествует о человеческих пороках и преступлениях.

Я уверена, что когда-нибудь объеду всю Америку, увижу все те края, о которых столько читала. Окажутся совершенно другими стоящие по берегам больших и малых рек города, по местам золотonosных приисков и серебряных рудников наверняка уже будут проложены авто-страды, выстроены моллы, а может, наоборот, предприятия добывающей промышленности. Негры там будут вести себя уже не так, как во времена Марка Твена, белые – тем более. Коренные народы как там себя будут чувствовать, в каком количестве окажутся представленными, интересно? Все мне нужно будет посмотреть и узнать, все. Я стану смотреть, анализировать,

сравнивать – что было, что есть, предполагать, что будет, ведь многое сбылось из того, что предрекал (даже, вернее, просто предполагал) этот великий мыслитель. Меня интересует человеческая сущность – какая она в годы Марка Твена была, в какую сторону изменилась? И изменение ли это.

...В одном из романов Марка Твена была такая ситуация. Плыл плот по реке Миссисипи. На нем, в числе прочих, – беззащитный чернокожий беглец Джим. Хитроумные авантюристы выставили рядом с Джимом табличку:

«Бешеный арап – когда в себе, на людей не бросается»...

И она помогала: посмотреть, что за арап, и выяснить, до какой степени он бешеный, желающих не оказалось.

Вот что такое спасение словом. Пусть сила слова Марка Твена поможет и вам. Сила слова, сила знания, сила мысли много где пригождается.

Составитель Елена Нестерина

«Тот, кого вы заставили смеяться, никогда вас не забудет».

Марк Твен

Глава 1. Био-Марк

(кое-что о сути жизни и реальности вокруг нее)

Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс, кашляя и мучительно кашляя, поднялся из своего удобного кресла, помешал кочергой в камине, взял два полена и аккуратно положил на красноватые угли. Огонь тут же начал взбираться по дереву, дрова запели, затрещали. Сэмюэл уселся обратно. «В настоящее время райские чертоги отапливаются радиаторами, соединенными с адом. Муки грешников усугубляются от сознания, что огонь, пожирающий их, одновременно обеспечивает комфорт праведникам, – проворчал он, достал сигару и закурил, заметив. – Я взял себе за правило никогда не курить больше одной сигары одновременно. Бросить курить – самая простая вещь в мире. Я знаю, потому что делал это тысячу раз. Если мне нельзя будет курить на небесах, то это место не для меня»...

«...Мне даже не надо было учиться курить – я курил всю свою жизнь; да я только появился на свет – сразу попросил огонька!»

Таким можно представить себе известного писателя Марка Твена, находящегося в самом конце своего пути. Он еще далеко не стар, многие писатели в значительно более позднем возрасте завершали свой жизненный и творческий путь. Но он потерял жену и почти всех детей. Он болен, разочарован. Он наконец-то богат, он знаменит. Но он тоскует.

В это время Марк Твен пишет рассказ «Что было сном», герой которого за то время, пока курит трубку, вспоминает последние 17 лет своей жизни. И когда окурок погашен, он смотрит на свою жену, живую и невредимую, и не понимает, настоящая она или нет... Этот текст Твен не завершил. События описываются там веселые и страшные, сияние абсолютного человеческого счастья перемежается с провалами в черное безграничное горе, горе потери этого самого счастья. Счастья общения с любимыми людьми. В отличие от многих, писатель Марк Твен (а в данном случае именно человек Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс) умел его ценить и считал самым важным делом на свете. Смерть уносила его любимых и родных, так что постепенно с ним остались только боль, тоска и... юмор. Пусть уже не такой светлый, как раньше, но по-прежнему острый. Делаящий мысли еще более глубокими, а чувства тонкими. Юмор бесценный. Дарующий желание продолжать жить.

«Когда придет горе, оно само о себе позаботится».

Как Марк Твен управлялся с горем и болью в конце жизни – и со всем своим литературно-семейным хозяйством в основной жизненный период? Примерно так, как написано в этой книге. В данном случае не стояла задача составить сборник цитат на все случаи жизни (а наследие Марка Твена позволяет с легкостью и удовольствием сделать это). Как и не было цели для каждой цитаты делать сноску и пояснять, из какой она книги. Названия всех произведений, отрывки из которых цитируются, будут перечислены в послесловии к тексту. Это, скорее, как реальность, представленная в ощущениях. Марк Твен, его судьба и творчество – во впечатлениях.

Ведь для чего писатели пишут книги? Не только для того, чтобы высказаться. Не только чтобы удивить и потрясти. А чтобы повлиять. Чтобы чья-то жизнь после прочтения его произведения уже никогда не была прежней. Чтобы заставить работать чьи-то мозги, душу. Пропущенный через собственное восприятие текст книги читатель «осваивает» – к каким-то выводам приходит, что-то додумывает. Идет процесс в ноосфере! Непрерывный. Читатели и писатели очень нужны друг другу.

Итак, писатель Марк Твен, его секретные и обнародованные способы управления собственным мыслительным процессом, процессом творческим, процессом общения с внешним миром – в лице тех, кому он платит, и тех, кто ему платит, а также тех, кто его обожает и кого обожает он.

Марк Твен показал миру, как он умеет крутить-вертеть смыслами, направлять их – в зависимости от ситуации – в нужное русло. Как короткой фразой, несколькими словами поставить все с ног на голову. Он видел, что этим постоянно занимаются политики, юристы, работники торговли и рекламной сферы, администрация, проповедники и другие. В своих текстах довел это до совершенства.

Он все держал под контролем. Как умел, так и держал. Что-то ему удавалось лучше, что-то хуже. Нам, к счастью, досталось это в текстовой форме – бери, читай, восхищайся, учись. Можно – мастерству ведения персонажей художественного текста сквозь сложнейшие коллизии и перипетии. Можно – остроумно руководить процессом получения аудиторией информации, в той или иной степени касающейся его личной жизни. Например, интересующимся изучением истории его семьи читателям он предлагал такое:

«Двое или трое из моих друзей упомянули как-то в разговоре со мной, что если я напишу историю своей жизни, и у них будет свободное время, они ее прочитают. Не в силах противиться этим неистовым требованиям читающей публики, я составил свою автобиографию.

Я происхожу из старинного знатного рода, уходящего корнями в глубь веков. Самым отдаленным предком Твенцов был друг нашего дома по фамилии Хиггинс. Это было в XI столетии, когда наша семья жила в Англии в Абердине, графство Корк. Почему представители нашего рода сохранили материнскую фамилию Твен вместо фамилии Хиггинс (я не считаю тех случаев, когда они шутики ради скрывались под псевдонимами) – тайна, в которую Твены не посвящают посторонних. Это прелестная романтическая история, которой лучше не касаться. Так принято во всех аристократических семьях.

Артур Твен был человек незаурядных способностей – он промышлял на большой дороге во времена Уильяма Руфуса. Ему еще не было 30 лет, когда ему пришлось прокатиться в Ньюгет, один из самых почтенных английских курортов, чтобы навести кое-какие справки. Назад он не вернулся, так как умер там скоропостижно.

Огастес Твен снискал себе немалую популярность около 1160 года. Это был прирожденный юморист. Наточив свою старую шпагу и выбрав местечко поукромнее, он темной ночью прокалывал запоздалых путников, чтобы поглядеть, как они будут подпрыгивать. Что называется, весельчак! Но он не соблюдал должной осторожности, и однажды власти захватили Огастеса в то время, когда он снимал платье с жертвы своих развлечений. Тогда они отделили голову его от тела и выставили ее на почетном месте в Темпл-Баре, откуда открывается превосходный вид на город и на гуляющую публику. Никогда ранее Огастес Твен не занимал такого высокого и прочного положения.

В продолжение следующих двух столетий Твены отличались на поле брани. Это были достойные, неустрашимые молодцы, которые шли в бой с песнями позади всех и бежали с поля битвы с воплями в первых рядах.

Наше родословное древо имело всегда одну-единственную ветвь, которая располагалась под прямым углом к стволу и приносила плоды круглый год – летом и зимой. Пусть это будет горьким ответом на малоудачную остроуту старика Фруассара.

В самом начале XV века мы встречаем красавца Твена, известного под кличкой «Профессор». У него был такой удивительный, такой очаровательный почерк, и он умел до того похоже изобразить почерк другого человека, что нельзя было без хохота на это смотреть. Он искренне наслаждался своим редким талантом. Случилось, впрочем, так, что ему пришлось по приглашению правительства отправиться бить щебенку на дорогах, и эта работа несколько повредила изяществу его почерка. Тем не менее он увлекся своей новой специально-

стью и посвятил ей, с небольшими перерывами, сорок два года. Так, в трудах, он и окончил свой жизненный путь. Все эти годы власти были так довольны Профессором, что немедленно возобновляли с ним контракт, как только старый приходил к концу. Начальство его обожало. Он пользовался популярностью и среди своих коллег и состоял видным членом их клуба, который носил странное наименование «Каторжная команда». Он коротко стриг волосы, любил носить полосатую одежду и скончался, оплакиваемый правительством. Страна потеряла в его лице беззаветного труженика.

Несколько позже появляется знаменитый Джозия Морган Твен. Он приехал в Америку на корабле Колумба в 1492 году в качестве пассажира. По-видимому, у него был очень дурной, брюзгливый характер. Всю дорогу он жаловался, что плохо кормят, и угрожал сойти на берег, если не переменят меню. Он требовал на завтрак свежего пузанка. Целыми днями он слонялся по палубе, задрав нос, и отпускал шуточки насчет Колумба, утверждая, что тот ни разу не был в этих местах и понятия не имеет, куда едет. Достопамятный крик: «Смотри, земля!» потряс всех, но только не его. Он поглядел на горизонт через закопченный осколок стекла и сказал: «Черта с два земля! Это плот!»

Когда этот сомнительный пассажир взошел на корабль, все его имущество состояло из носового платка с меткой «Б.Г.», одного бумажного носка с меткой «Л.В.К.», другого – шерстяного с меткой «Д.Ф.» и ночной сорочки с меткой «О.М.Р.», завернутых в старую газету. Тем не менее во время путешествия он больше волновался о своем «чемодане» и разглагольствовал о нем, чем все остальные пассажиры, вместе взятые. Когда корабль зарывался носом и рулевое управление не действовало, он требовал, чтобы его «чемодан» передвинули ближе к корме, а затем бежал проверять результаты. Если корабль зачерпывал кормой, он снова приставал к Колумбу, чтобы тот дал ему матросов «перетащить багаж». Во время шторма приходилось забивать ему в рот кляп, потому что его вопли о судьбе его имущества заглушали слова команды. По-видимому, ему не было предъявлено прямого обвинения в каких-либо правонарушениях, но в судовом журнале отмечено как «достойное внимания обстоятельство», что, хотя он принес свой багаж завернутым в старую газету, он унес, сходя на берег, четыре сундука, не считая саквояжа и нескольких корзин из-под шампанского. Когда же он вернулся на корабль, нахально утверждая, что некоторых вещей у него недостает, и потребовал обыска других пассажиров, терпение его товарищей по путешествию лопнуло, и они швырнули его за борт. Долго они смотрели, не всплывет ли он, но даже пузырька не появилось на ровной морской глади. Пока все с азартом предавались этим наблюдениям, обнаружилось, что корабль дрейфует и тянет за собой повисший якорный канат. В древнем, потемневшем от времени судовом журнале читаем следующую любопытную запись:

«Позже удалось установить, что беспокойный пассажир нырнул под воду, добрался до якоря, отвязал его и продал богопротивным дикарям на берегу, уверяя, что этот якорь он нашел в море, сукин он сын!»

При всем том мой предок не был лишен добрых и благородных задатков, и наша семья с гордостью вспоминает, что он был первым белым человеком, который всерьез занялся духовным воспитанием индейцев и приобщением их к цивилизации. Он построил вместительную тюрьму, воздвиг возле нее виселицу и до последнего своего дня похвалялся, что ни один реформатор, трудившийся среди индейцев, не оказывал на них столь успокаивающего и возвышающего действия. О конце его жизни хроника сообщает скупо и обиняками. Там говорится, что при повешении первого белого человека в Америке старый путешественник получил повреждение шейных позвонков, имевшее роковой исход.

Правнук «реформатора» процветал в XVII столетии и известен в нашей семейной хронике под именем Старого Адмирала, хотя историки того времени знают его под другими именами. Он командовал маневренными, хорошо оснащенными и отлично вооруженными флотилиями и много способствовал увеличению быстроходности торговых судов. Купеческий

корабль, за которым шел Адмирал, не сводя с него орлиного взора, всегда плыл через океан с рекордной скоростью. Если же он медлил, несмотря на все понуждения Адмирала, тот расплялся гневом и наконец, уже не будучи в силах сдержать свое негодование, захватывал корабль и держал его у себя, ожидая, пока владельцы не явятся за потерянным имуществом (правда, они этого не делали). Чтобы среди захваченных матросов не завелось лентяев и лежебок, Адмирал предписывал им гимнастические упражнения и купания. Это называлось «пройтись по доске». Матросы не жаловались. Во всяком случае, раз выполнив это упражнение, они больше не напоминали о себе. Не дождавшись судовладельцев, Адмирал сжигал корабли, чтобы страховая премия не пропадала даром. Этот старый заслуженный моряк был зарезан в расцвете сил и славы. Безутешная вдова не уставала повторять до самой своей кончины, что, если бы Адмирала зарезали на 15 минут раньше, его удалось бы еще вернуть к жизни.

Чарльз Генри Твен жил в конце XVII века. Это был ревностный и почтенный миссионер. Он обратил в истинную веру 16 тысяч островитян в южных морях и неустанно внушал им, что человек, имеющий на себе из одежды всего лишь ожерелье из собачьих клыков да пару очков, не может считаться достаточно экипированным для посещения храма Божия. Незлобивые прихожане нежно любили его, и, когда зауспокойная церемония окончилась, они вышли из ресторана со слезами на глазах и твердили по пути домой, что такого мягкого миссионера им еще не приходилось встречать; жаль только, что каждому досталось так мало.

Па-Го-То-Вах-Вах-Пакетекивис (Могучий Охотник со Свиным Глазом) Твен украшал своим присутствием средние десятилетия XVIII века и от всего сердца помогал генералу Брэддоку воевать с угнетателем Вашингтоном. Спрятавшись за дерево, он 17 раз стрелял в Вашингтона. Здесь я полностью присоединяюсь к очаровательному романтическому рассказу, вошедшему во все хрестоматии. Однако дальше в рассказе говорится, будто после семнадцатого выстрела, уstraшенный своей неудачей, дикарь торжественно заявил, что поскольку Вечный Дух, как видно, предназначил Вашингтона для великих дел, то он более не поднимет на него свое святотатственное ружье. В этой части я вынужден указать на серьезную погрешность против исторических фактов. На самом деле индеец сказал следующее:

– Никакого (ик!) толку! Он так пьян, что не может стоять прямо. Разве в него попадешь? Дурень я буду, если (ик!) истрачу на него еще хоть один патрон.

Вот почему индеец остановился на семнадцатом выстреле. Он приводит простой и толковый резон; сразу чувствуешь, что это чистая правда.

Я всегда любил этот рассказ даже в том виде, в каком его печатают в хрестоматиях, но меня преследовала мысль, что каждый индеец, присутствовавший при разгроме Брэддока и дважды промахнувшийся (два выстрела за 100 лет легко вырастают в 17), приходил к неизбежному выводу, что солдат, в которого он не попал, предназначен Вечным Духом для великих дел, а случай с Вашингтоном запомнился только потому, что в этом случае пророчество сбылось, а в других нет. Всех книг на свете не хватит, чтобы перечислять пророчества индейцев и других малоавторитетных лиц. Однако список сбывшихся пророчеств легко умещается у вас в кармане.

Хочу добавить, что некоторые из моих предков так хорошо известны в истории человечества под своими псевдонимами, что было бы бессмысленным вести здесь о них рассказ, даже перечислять их в хронологическом порядке. Назову лишь некоторых из них. Это Ричард Бринсли Твен, он же Гай Фоке; Джон Уэнтворт Твен, он же Джек Шестнадцать ниток; Уильям Хоггерти Твен, он же Джек Шеппард; Анания Твен, он же барон Мюнхгаузен; Джон Джордж Твен, он же капитан Кидд. Следует также упомянуть Джорджа Френсиса Трэна, Тома Пеппера, Навуходносора и Валаамскую ослицу. Все эти лица принадлежат к нашему роду, но относятся к ветви, несколько удалившейся от центрального ствола, то, что называется – к боковой линии. Все Твены жаждали популярности, но, в отличие от коренных пред-

ставителей нашей фамилии, которые искали ее на виселице, эти люди ограничивались тем, что сидели в тюрьме.

Когда пишешь автобиографию, неразумно доводить рассказ о предках до ближайших родственников. Правильнее, сказав несколько слов о прадедушке, перейти к собственной персоне, что я и делаю.

Я родился без зубов, и здесь Ричард III имеет передо мной преимущество. Зато я родился без горба, и здесь преимущество на моей стороне. Мои родители были бедными – в меру, и честными – тоже в меру.

А теперь мне приходит в голову, что жизнь моя слишком бесцветна по сравнению с жизнью моих предков и с рассказом о ней лучше повременить, пока меня не повесят. Жаль, что другие автобиографы, книги которых мне приходилось читать, не приняли своевременно такого же решения. Как много выиграла бы читающая публика, не правда ли?..»

И ему верили!

«Когда я был помоложе, я помнил решительно все, было оно или не было, теперь же рассудок мой слабеет, и скоро я буду помнить только то, чего никогда не было».

Уметь вовремя дать задний ход, напустить тумана и скрыть правду, если она чем-то на данный момент неудобна, грамотно уйти от подробностей – это тоже способ управления реальностью.

И этот художественный туман часто так запутывал читателей и слушателей, что они переставали отличать вымысел от реальности. Так поступали практически все великие писатели. Каждый по-своему. Но Марк Твен – блистательно!

Впрочем, лучше по порядку. Тоже, разумеется, художественно осмысляя и пропуская через себя.

«Всегда помните о сути вещей. Лучше быть молодым навозным жуком, чем старой райской птицей».

Псевдоним «Марк Твен» писатель взял себе, когда ему было 28 лет. По одной из версий «mark twain» – лоцманский термин, что в переводе означает «отметь два», а именно: две морские сажени¹. Эта глубина безопасна для судна – при ней нельзя сесть на мель.

По другой версии в салунах Вирджинии было принято говорить «отметь два», когда сидящий за столиком объявлял, что к нему должен присоединиться товарищ, а значит, алкоголь будет считаться на двоих.

Ну и, конечно, нельзя не принимать в расчет то, что писатель знал человека (или даже не одного) с таким именем. И имя это показалось истинно писательским.

Сэмюэл Клеменс родился 30 ноября 1835 года в маленьком городке Флориде (округ Монро, штат Миссури, США). Сам Марк Твен называл это место деревушкой:

«В деревушке было 100 человек жителей, и я увеличил население ровно на один процент. Не каждый исторический деятель может похвастаться, что сделал больше для своего родного города. Может быть, с моей стороны нескромно упоминать об этом, но зато это правда. Нигде не записано, чтобы кому-нибудь другому удалось совершить нечто подобное, будь это даже Шекспир».

Со стороны может показаться, что он не придает своим детским годам большого значения, описывает их несколько стыдливо, мимоходом. Но на самом деле он это большое значение

---

¹ Примерно 3,7 метра (здесь и далее прим. составителя).

своим детским воспоминаниям, конечно, придавал. Он отлично все помнил, а еще собирал подробности, выпрашивая всех, кто был этому свидетелем. И использовал в своих произведениях.

«Мне рассказывали, что я был болезненный, вялый ребенок, как говорится – не жилец на этом свете, и первые семь лет моей жизни питался главным образом лекарствами. Как-то я спросил об этом мою мать, когда ей шел уже 88-й год:

– Должно быть, ты все время беспокоилась за меня?

– Да, все время.

– Боялась, что я не выживу?

После некоторого размышления, по-видимому, для того, чтобы припомнить, как было дело, она ответила:

– Нет, я боялась, что ты выживешь».

Вот такая жестокая и грустная ирония была у этого автора...

В детстве Сэм страдал лунатизмом, верил в вещие сны и любил их пересказывать, придумывал разные истории, чем всегда привлекал слушателей. Когда Сэму исполнилось четыре года, родители отдали его в начальную школу мисс Элизабет Горр. В школе Сэму не нравилось – в первый день учебы учительница его ударила. В те времена детей часто в учебных заведениях били и всячески наказывали. Не исключением в этом плане была и школа, в которую ходил будущий писатель. Но там была одна учительница по имени Мэри Энн Ньюкомб. Она никого не била. Она оказалась добрая. Она научила мальчика любить читать.

Описывая похождения Тома Сойера, Марк Твен отчасти описывал себя в детстве. А его реальные друзья стали прототипами героев одноименной книги – ну и плюс типизация, конечно.

Жесткая школа жизни с такого юного возраста воспитывала в Сэме целеустремленность и волевой характер. Это на 100 процентов правда – если бы такой характер не сформировался, в писательской среде Марк Твен бы не выжил.

С ранних детских лет – когда на всех уроках лупили, а там, где заставляли читать книги, любили, – Сэм Клеменс учился управлять собой. Чтобы где-то подстроиться, где-то дать отпор, где-то затаиться и не нарываться... И научился. Вся его биография – это искусство управлять: собой, своими родными, партнерами по бизнесу, противоположным полом. Ведь если ты не управляешь людьми, то тогда они управляют тобой.

В 1842 году умер старший брат Бенджамин (ему было 10 лет). Момент, связанный с этим, Марку Твену очень запомнился. Мать тогда подвела его к кровати Бенджамина. Прощаться.

«...Она держит меня за руку, и мы стоим на коленях у постели умершего брата, который был двумя годами старше меня, и слезы катятся без удержу по ее щекам. Она стонет. Это немое свидетельство горя, вероятно, было ново для меня, потому что оно произвело на меня сильное впечатление – впечатление, благодаря которому эта картина и до сих пор не потеряла силы и живет в моей памяти»...

Дела у родителей шли не очень. И старший брат Орион в 17 лет начинает работать в типографии города Сент-Луис. Он получает 10 долларов в неделю, из которых половину отправляет домой. Чтобы немного сэкономить, младших (а в семье Клеменсов из семерых детей выжили четверо) отправляли на ферму к родственникам Куэрлсам. В их семье было восемь детей, но на сельских просторах этого не замечалось. Где восемь – там и девятый с десятым не пропадут...

«Жизнь, которую я вел там с моими двоюродными братьями, была полна очарования, таким же остается и воспоминание о ней. Я могу вызвать в памяти торжественный сумрак и таинственность лесной чащи, легкое благоухание лесных цветов, блеск омытых дождем

листьев, дробь падающих дождевых капель, когда ветер качает деревья, далекое постукивание дятлов и глухое токование диких фазанов, мелькание потревоженных зверьков в густой траве, – все это я могу вызвать в памяти, и оно оживает, словно наяву, и так же радостно».

В 1847 году от пневмонии умирает отец.

«...Эта беда, как обычно бывает, случилась как раз тогда, когда счастье нам улыбнулось и мы надеялись снова пожить в довольстве после нескольких лет жестокой нужды и лишений, на которые нас обрек нечестный поступок некоего Айры Стаута, взявшего у моего отца в долг несколько тысяч долларов – по тем временам и в тех краях целое состояние. Отец только что был избран секретарем гражданского суда округа. Мало того, что скромного достатка, связанного с этой работой, с избытком хватило бы для нашей непритязательной семьи, – отца так уважали, он пользовался во всем округе таким авторитетом, что, раз получив эту высокую должность, мог, по всеобщему мнению, сохранить ее за собой на всю жизнь. В конце февраля он поехал в центр округа, Пальмиру, чтобы принести присягу. На обратном пути – 12 миль верхом – его настиг ливень со снегом, и домой он добрался еле живой от холода. Он заболел плевритом и 24 марта скончался».

Сэм считал себя виновным в его смерти. Ведь их отношения не были теплыми. Они с отцом, по словам Марка Твена, «едва замечали существование друг друга». Конечно, за что тут чувствовать вину, не очень понятно. Вот если бы наоборот, мальчишка изводил бы отца и довел до смерти – то да. А когда «едва замечали»...

Так или иначе, но чувство вины, как отмечает сам писатель, у него было. Вообще, конечно, чувство вины – особенно той, которую нельзя загладить, – навсегда делает человека на редкость заботливым, ответственным. Человек понимает, что он «всегда должен». Так случилось и с Марком Твеном.

Еще особую ответственность вызывала земля, вернее, владение ею.

«Чудовищный участок, которым владеет наша семья в Теннесси, был куплен моим отцом немного более 40 лет назад. Он приобрел все эти 75 тысяч акров за один раз. Обошлись они ему, вероятно, долларов в 400. По тем временам это была весьма значительная единовременная выплата наличными – во всяком случае, так считалось среди скал и сосновых лесов Камберлендских гор в округе Фентресс на востоке штата Теннесси. Когда мой отец уплатил эти огромные деньги, он остановился в дверях джеймстауновского суда и, оглядев свои обширные владения, сказал:

– Что бы со мной ни случилось, мои наследники обеспечены; сам я не доживу до той минуты, когда эти акры превратятся в серебро и золото, но дети мои до нее доживут.

Вот так, из самых лучших побуждений, он возложил на наши плечи тяжкое проклятие ожидаемого богатства. Он сошел в могилу с глубоким убеждением, что облагодетельствовал нас. Это была печальная ошибка, но, к счастью, он об этом не узнал».

Дела семьи Клеменс шли плохо. Старшие дети – Орион и Памела – работали, мать в городе Ганнибал, куда они переехали, держала пансион (в комнатах их дома жили люди, им полагалось питание, уборка помещений, все это нужно было приготовить, проконтролировать – цикл обслуживания пансиона был непрерывным), пансионеры платили исправно, но денег все равно не хватало.

«После смерти отца мы изменили наш образ жизни, но на временной основе, – собираясь окончательно все устроить после продажи земли. Мой брат занял 500 долларов и купил не

приносящую дохода еженедельную газету, считая так же, как и мы все, – что не стоит ни за что браться всерьез, пока мы не разделаемся с землей и не сможем окончательно определить свою судьбу. Сперва мы сняли большой дом, но продажа участка, на которую мы рассчитывали, не состоялась (покупателю требовалась только часть нашей земли, а мы, посоветовавшись, решили продавать ее целиком либо не продавать совсем), и нам пришлось удовлетвориться домом похуже».

Сэмюэл заболел корью, лечение было длительным, дорогим. Мальчик все-таки выздоровел – но в школу уже не вернулся. Нужно было зарабатывать на жизнь. Тринадцатилетний Сэм стал учеником наборщика в газете «Ганнибал курьер», где ему предоставили жилье и кормили. Денег пока будущий писатель не зарабатывал. Но отсутствие еще одного ребенка облегчало жизнь матери. Сэм получил необходимый опыт работы корректора и даже помощника редактора. Через два года старший брат Орион купил еженедельник «Джорнэл» с типографией и основал газету «Ганнибал вестерн юнион», в которой печатали новости. Сэм перешел на работу к брату.

Однажды Орион уехал и оставил Сэма на месте главного редактора. В числе прочих в газете печатали местные новости и анекдоты. Вот где будущий писатель смог развернуться! Сэмюэл самостоятельно выпустил несколько номеров. В одной своей юмореске он описал попытку редактора конкурирующей газеты утопиться. А также присочинил еще пару историй про жителей города. Каждый из номеров разлетелся «на ура». А герои рассказов узнали себя и двинулись в редакцию, чтобы уничтожить редактеришку. Когда же они увидели подростка, то попросту надрали ему уши, чем сохранили для человечества великого писателя Марка Твена.

В 1851 году в газете «Филадельфия пост» было напечатано первое художественное произведение Сэма – юмореска «Храбрый пожарный». Гонорара писатель Клеменс не получил, но начало карьеры было положено.

«...У меня было призвание к литературе, причем низшего сорта – к юмористике. Тут нечем гордиться, но это мой самый сильный козырь, и если бы я прислушался к максиме, которая утверждает, что нужно приумножать те два или три таланта, которыми Всевышний тебя одарил, я давно бы перестал браться за занятия, к которым от природы непригоден, и стал бы всерьез писать, чтобы смешить божьих тварей... Ты видишь во мне талант юмориста и настоятельно советуешь мне его развивать... теперь, когда редакторы газет на далеком Востоке меня ценят, а ведь они не знают меня и не могут быть ослеплены пристрастностью, я действительно начинаю верить, что во мне что-то есть... Я перестану заниматься пустяками, перестану тосковать о невозможном и начну стремиться к славе, недостойной и преходящей...»

Орион Клеменс не ценил талантов брата. Хотя Сэм мог справиться с любой работой и делал ее очень хорошо, денег ему в газете «Ганнибал вестерн юнион» не платили.

В 1852 году Сэм уезжает из родного города и какое-то время работает в типографиях и газетах разных городов, зарабатывает небольшие деньги и умудряется отсылать часть матери. Ну и, конечно, пишет заметки и юморески.

Его псевдоним в то время – большая буква W, или «Сын Адама», и «Томас Джефферсон Снодграсс», еще будет «Джош», «сержант Фантом», а уж только потом «Марк Твен».

А потом Сэмюэл Клеменс стал лоцманом. Он с детства, как и многие его друзья, мечтал об этом. Ну и о море тоже.

«Когда я был мальчиком, у моих товарищей, в нашем городишке на западном берегу Миссисипи, была одна неизменная честолюбивая мечта – поступить на пароход».

Сэм понимал, чтобы стать лоцманом – надо много учиться. Поэтому мечтал стать сначала юнгой или матросом...

«Желание попасть на пароход вечно томило меня. Сначала я хотел быть юнгой, чтобы можно было выскочить на палубу в белом переднике и стряхнуть за борт скатерть с той стороны, с которой меня могли увидеть все старые друзья; потом меня больше стала привлекать роль того палубного матроса, который стоял на сходнях со свернутым канатом, потому что он особенно бросался в глаза. Но все это были только мечты – слишком прекрасные, чтобы стать реальными. Как-то один из наших мальчишек исчез. О нем долго ничего не было слышно. И вдруг он вернулся учеником механика, «подручным» на пароходе! Это событие окончательно подорвало мою веру в то, чему нас учили в воскресной школе. Ведь этот мальчишка был весьма неблагочестив, не мне чета; и вот он оказывается вознесенным на вершину славы, в то время как я пребываю в печали и безвестности. В своем величии этот парень был совершенно лишен великодушия. Он всегда припасал какой-нибудь ржавый болт, чтобы чистить его именно тогда, когда судно стояло в нашем городке, и тер его, усевшись у поручней, – там, где мы все могли его созерцать, завидовать ему и ненавидеть его»...

Профессия лоцмана очень ценилась в то время, а зарплата составляла до 1000 долларов. Это были огромные деньги. С другой стороны, лоцманам приходилось нелегко – трудно было провести грузовое судно мимо отмелей, ведь освещения на берегах рек не было. Но лоцман был безраздельным хозяином корабля, как только отходил от причала.

Сэмюэл смог преодолеть все сложности учения. Лоцманом стал. И наслаждался своей профессией.

«Достаточно было пароходу выйти в реку, и он поступал в единоличное и бесконтрольное распоряжение лоцмана. Все поступки лоцмана были абсолютно свободны; он не советовался ни с кем, ни от кого не получал приказаний и вспыхивал, как порох, при самой невинной попытке подсказать ему что-либо».

Весной 1858 года Сэм начал работать на большом пароходе «Пенсильвания», куда смог устроиться помощником счетовода и своего брата Генри. Сэма ценили на судне.

«Если капитану попадался лоцман с особенно высокой репутацией, он всячески старался удержать его у себя. В те времена ставка лоцмана у верховьев Миссисипи составляла 400 долларов в месяц, но я знавал капитана, который держал такого лоцмана на полном окладе целых 3 месяца без дела, так как река замерзла. И надо помнить, что в те дешевые времена оклад в 400 долларов был почти фантастическим. Не многие на берегу получали такой оклад, а если получали, то все смотрели на них с чрезвычайным уважением. Когда лоцманы с низовья или верховья реки попадали в наш маленький миссурийский городок, их общества искали самые избранные красавицы, самые важные люди, и относились к ним с восторженным почтением. Стоять в гавани, получая жалованье, – это было занятие, которое многие лоцманы любили и ценили; особенно если они плавали по Миссури в дни расцвета своей профессии (канзасские времена) и получали 900 долларов за рейс, что равнялось примерно 1800 долларам в месяц.

В силу долголетней привычки командовать у лоцманов вошло в обыкновение заменять любую просьбу приказанием. До сих пор мне как-то неприятно выражать свое желание жалкой просьбой, вместо того чтобы бросить его в сжатой форме команды».

В 1860 году из-за смены начальства Сэм покидает работу. А брат остается на корабле, на котором через месяц взрываются котлы, и Генри, получив страшные ожоги, умирает в больнице.

«Было шесть часов жаркого летнего утра. «Пенсильвания» шла севернее Корабельного острова, миль за 60 до Мемфиса, на малом ходу, таща за собой баржу с дровами, которые быстро разгружали. Джордж Илер был в рубке – кажется, один; второй механик и сменный кочегар стояли на вахте в машинном отделении; второй помощник – на палубе; все служащие – Джордж Блэк, мистер Вуд и мой брат – крепко спали; спал и Браун, и старший механик, плотник, старший помощник и один из кочегаров; капитан Клайнфельтер сидел в кресле парикмахера, и тот собирался его брить; на пароходе находилось довольно много каютных пассажиров и 300–400 палубных пассажиров, как было сообщено в свое время, но очень немногие бодрствовали. Когда с баржи разгрузили почти все дрова, Илер дал в машину звонок идти полным ходом, и в следующую же минуту четыре котла из восьми взорвались с громовым треском, и вся носовая часть судна взлетела на воздух. Большая часть всей этой массы, вместе с трубами, обрушилась снова на корабль грудой исковерканных, бесформенных обломков, и через несколько минут вспыхнул пожар.

Многих отшвырнуло на большое расстояние, и они попадали в реку. Среди них был мистер Вуд, мой брат и плотник. Плотник все еще держался за свой тюфяк, когда упал в воду, в 75 футах от парохода. О лоцмане Брауне и о старшем конторщике – Джордже Блэке – так никогда больше и не слышали: после взрыва их никто не видел. Кресло с сидящим в нем совершенно невредимым капитаном Клайнфельтером осталось висеть прямо над бездной... все впереди – пол, стены – все исчезло, а обалдевший парикмахер, который тоже остался невредим, стоял, выставив носок башимака над бездной, и машинально взбивал мыльную пену, онемев от страха.

Когда Джордж Илер увидел, как перед ним взлетели трубы, он понял, в чем дело: он закрыл лицо лапами пиджака и крепко прижал их руками, чтобы пар не попал в рот или в нос. Ему на это вполне хватило времени, пока он летел в небеса и обратно. Он очутился на верху одного из невзорвавшихся котлов, на 40 футов ниже бывшей рубки, а за ним обрушился его штурвал и целый поток всяких предметов, окутанных клубами раскаленного пара. Все, кто вдохнул этот пар, поумирали, ни один не спасся. Но Илер пара не вдохнул. Он выбрался на свежий воздух как только мог поскорее, а когда пар рассеялся, он вернулся, снова влез на котлы и терпеливо подобрал одну за другой все свои шахматные фигуры и разрозненные части своей флейты.

К этому времени пожар усилился. Вопли и стоны наполняли воздух. Многие были обожжены, многие искалечены; взрывом вогнало железный лом в тело одного человека, – кажется, говорили, что это был священник. Он умер не сразу, и его страдания были ужасны. Молодой француз, пятнадцатилетний воспитанник морского училища, сын французского адмирала, был страшно обожжен, но мужественно переносил свои страдания. Оба помощника были сильно обожжены, но, несмотря на это, не покидали поста. Они подвели дровяную баржу к корме, и оба, вместе с капитаном, отгоняли обезумевшую толпу испуганных пассажиров, пока не перенесли туда раненых и не разместили их вдали от опасности»...

Это третья смерть близкого человека Сэма. (До этого скончались его отец и брат Бенджамин). Писатель за несколько дней до трагедии видел смерть брата во сне. С тех пор он верил в вещие сны и много писал о них.

Если со снами все понятно, то еще хорошо бы выяснить, почему это так важно – ну был и был лоцманом, ну мечтал о море в детстве и юности? Не все мечты, как мы знаем, реализуются, не все планы, даже реализованные, приносят счастье или успех. Но в данном случае

это важно – Марк Твен мечтал вести за собой. Да, если бы Гражданская война не изменила уклад жизни всей страны, а речное пароходство на любимой реке Сэмюэла не заглохло, он бы был прекрасным лоцманом. Величайшим даже, наверное. Но он стал величайшим. Пусть не лоцманом. А тем, кто тоже ведет за собой. Писателем, лидером мнений. И стал управлять не кораблем на реке, а потоком мыслей и чувств огромного количества людей. И до сих пор это делает.

...Дальше начинаются поиски Сэмюэлом работы, поиски себя. Здесь снова возникает старший брат Орион, который участвует в предвыборной кампании Авраама Линкольна и получает пост секретаря помощника губернатора Невады на Дальнем Западе США. У него Сэм бесплатно работает помощником.

Были и неудачные попытки поиска золота и серебра на Невадских приисках.

Пока младший брат промышлял на приисках, Орион отправил тексты Сэма редактору «Территориал Энтерпрайз». Тот предложил талантливому литератору работу репортером с окладом 25 долларов в неделю. Сэм проработал здесь два года и написал не мене 200 заметок, правдивых – о драках, балах, концертах и пожарах – и малоправдоподобных, например, о найденном окаменелом человеке на реке Гумбольдт – на самые разные темы.

«Окаменелый человек» прекрасен!

«Чтобы показать, как трудно с помощью шутки преподнести ничего не подозревающей публике какую-либо истину или мораль, не потерпев самого полного нелепого поражения, я приведу два случая из моей собственной жизни.

Осенью 1862 года жители Невады и Калифорнии буквально бредили необычайными окаменелостями и другими чудесами природы. Трудно было найти газету, где не упоминалось бы об одном-двух великих открытиях такого рода. Увлечение это начинало становиться просто смехотворным. И вот я, новоиспеченный редактор отдела местных новостей в газете города Вирджиния – Сити, почувствовал, что призван положить конец этому растущему злу; все мы, я полагаю, испытываем по временам великодушные, отеческие чувства к ближнему. Чтобы положить конец этому увлечению, я решил чрезвычайно тонко высмеять его. Но, по-видимому, я сделал это уж слишком тонко, ибо никто и не заметил, что это сатира. Я облек свой замысел в своеобразную форму: открыл необыкновенного окаменелого человека.

В то время я был в ссоре с мистером ***, новым следователем и мировым судьей Гумбольдта, и я подумал, что мог бы попутно слегка поддеть его и выставить в смеином свете, совместив, таким образом, приятное с полезным. Итак, я сообщил со всеми мельчайшими и убедительнейшими подробностями, что в Грейвли – Форд (ровно в 120 милях от дома мистера ***, и добраться туда можно лишь по крутой горной тропе) обнаружен окаменелый человек и что в Грейвли – Форд для освидетельствования находки прибыли все живущие поблизости ученые (известно, что в пределах 50 миль там нет ни одной живой души, кроме горстки умирающих с голода индейцев, нескольких убогих кузнециков да четырех или пяти сарычей, настолько ослабевших без мяса, что они не могли даже улететь); и как все эти ученые мужи сошлись на том, что этот человек находился в состоянии полного окаменения уже свыше 300 лет; и затем с серьезностью, которой мне следовало бы стыдиться, я утверждал, что как только мистер *** услышал эту новость, он созвал присяжных, взобрался на мула и, побуждаемый благородным чувством долга, пустился в ужасное пятидневное путешествие по солончакам, через заросли полыни, обрекая себя на лишения и голод, – и все для того, чтобы провести следствие по делу человека, который умер и превратился в вечный камень свыше 300 лет назад!

И уж, как говорится, «заварив кашу», я далее с той же невозмутимой серьезностью утверждал, что присяжные вынесли вердикт, согласно которому смерть наступила в результате длительного нахождения под воздействием сил природы. Тут фантазия моя вовсе

разыгралась, и я написал, что присяжные со свойственным пионерам милосердием выкопали могилу и уже собирались похоронить окаменелого человека по христианскому обычаю, когда обнаружили, что известняк, осыпавшийся в течение веков на поверхность камня, где он сидел, попал под него и накрепко приковал его к грунту; присяжные (все они были рудокопами на серебряных рудниках) с минуту обсуждали это затруднение, а затем достали порох и запал и принялись сверлить отверстие под окаменелым человеком, чтобы при помощи взрыва оторвать его от камня, но тут мистер *** с деликатностью, столь характерной для него, запретил им это, заметив, что подобные действия граничат со святотатством.

Все сведения об окаменелом человеке представляли собой от начала до конца набор самых вопиющих нелепостей, однако поданы они были так ловко и убедительно, что произвели впечатление даже на меня самого, и я чуть было не поверил в собственную выдумку. Но я, право же, не хотел никого обманывать и совершенно не предполагал, что так оно получится. Я рассчитывал, что описание позы окаменелого человека поможет публике понять, что это надувательство. Тем не менее, описывая его позу, я совершенно намеренно то и дело перескакивал с одного на другое, чтобы затемнить дело, – и мне это удалось. То я говорил об одной его ноге, то вдруг переходил к большому пальцу правой руки и отмечал, что он приставлен к носу, затем описывал положение другой его ноги и тут же, возвращаясь к правой руке, писал, что пальцы на ней растопырены; потом упоминал вскользь о его затылке и снова возвращался к рукам, замечая, что большой палец левой приставлен к мизинцу правой; снова перескакивал на что-нибудь другое и снова возвращался к левой руке и отмечал, что пальцы ее растопырены, так же как пальцы правой. Но я был слишком изобретателен. Я все слишком запутал, и описание позы так и не стало ключом ко всей этой мистификации, ибо никто, кроме меня, не смог разобраться в исключительно своеобразном и недвусмысленном положении рук окаменелого человека.

Как сатира на увлечение окаменелостями или чем-либо другим мой окаменелый человек потерпел самое прискорбное поражение, ибо все наивно принимали его за чистую монету, и я с глубочайшим удивлением наблюдал, как существо, которое я произвел на свет, чтобы обуздать и высмеять увлечение чудесами, преспокойно заняло самое выдающееся место среди подлинных чудес нашей Невады. Я был так разочарован неожиданным провалом своего замысла, что поначалу меня это сердило, и я старался не думать об этом; но мало-помалу, когда стали прибывать газетные отклики, в которых повторялись описания окаменелого человека, а сам он простодушно объявлялся чудом, я начал испытывать утешительное чувство тайного удовлетворения. Когда же сей господин, путешествуя все дальше и дальше, стал (как я убеждался по газетным откликам) завоевывать округ за округом, штат за штатом, страну за страной и, облетев весь мир, удостоился наконец безоговорочного признания в самом лондонском «Ланцете», душа моя успокоилась, и я сказал себе, что доволен содеянным. И насколько я помню, почти целый год мешок с ежедневной почтой мистера *** разбухал от потока газет из всех стран света с описаниями окаменелого человека, жирно обведенными чернилами. Это я посылал их ему. Я делал это из ненависти, а не шутки ради. Он с проклятиями выбрасывал их кипами на задний двор. И каждый день горняки из его округа (а уж горняки не оставят человека в покое, если им представился случай подшутить над ним) являлись к нему и спрашивали, не знает ли он, где можно достать газету с описанием окаменелого человека. А он-то мог бы снабдить целый материк этими газетами. В то время я ненавидел мистера ***, и потому все это успокаивало и развлекало меня. Большего удовлетворения я бы не мог получить, разве только если б убил его».

3 февраля 1863 года под одной из заметок появилась надпись «Марк Твен». И, хоть сам писатель родился гораздо раньше, в это день можно праздновать появление мирового бренда «Писатель Марк Твен».

Глава 2. «Отпусти на волю свои пороки!»

(как извлечь выгоду из собственных слабостей: пьянства, курения, неправильного образа жизни и других)

«Совесь нам очень надоедает. Она как ребенок. Если ее баловать и все время играть с ней и давать все, чего ни попросит, она становится скверной, мешает наслаждаться радостями жизни и пристаёт, когда нам грустно. Обращайтесь с ней так, как она того заслуживает. Если она бунтует, отшлепайте ее, будьте с нею поостроже, браните ее, не позволяйте ей играть с собой во все часы дня и ночи, и вы приобретете примерную совесть, так сказать, хорошо воспитанную».

Марк Твен считал человеческую совесть мериллом всего. Положительные герои его книг были, конечно же, отражением его представлений о том, как должна совесть управлять хорошим человеком. Пусть этот человек, считает Твен, ошибается, спотыкается – но продолжает идти к нравственным вершинам. Даже те читатели, которые искали в его текстах только веселые истории и искромётные, полные иронии, сарказма наблюдения над жизнью, не могли не задуматься о собственной совести, прочитав те или иные его строки.

«Всякий порок, которому я предавался после перерыва, доставлял мне столько радости, что я бывал вознагражден за все перенесенные муки».

Не секрет, что персонажи произведений, отягощенные пороками всех сортов и оттенков, кажутся более привлекательными. У них нет цели исправиться и шагать к этим самым сияющим вершинам нравственности, они, как могут, просто карабкаются на верхушки жизни – туда, где лучше и сытнее живется, где легче и веселее. Они вполне имеют на это право. Теряют, конечно, возможность встать на путь спасения бессмертной души – но ведь всегда есть шанс перед смертью покаяться, и эта бизнес-стратегия многим видится во многих смыслах выгодной. Что ж, каждый имеет право на свою правду, на свой стиль жизни и на свой путь к вечности.

«Я видел мужчин, которые за тридцать лет почти не изменились, зато их жены стали старухами. Все это были добродетельные женщины – а добродетель очень изнашивает человека».

Поэтому совесть и пороки – которые так притягательны – живут отдельно друг от друга. «Пробуди свои пороки, подпитывай их, подогревай, поощряй, преумножай!» – девиз общества потребления. Пороки ненасытны. Желание удовольствий, наслаждений удовлетворить невозможно, не стоит даже пытаться. Ведь пороки двигают прогресс – тот прогресс, в русле которого движется капиталистическое общество. Чтобы насытить рынок, нужно придумывать новое, удобное, яркое, в нарядной упаковке. Насытить рынок, убедить население купить все то, что на этом рынке представлено, – и получить, конечно же, главное, ради чего все затевалось. Прибыль! Конкуренты тоже хотят получить прибыль. Реализовывая потребителям свою продукцию, они наступают друг другу на пятки, они выбрасывают на рынок все новое и новое. Гонка за прибылью, гонка за удовольствиями, комфортом... Пороки подстегивают этот процесс. Да, аскеты и трудолюбивые праведники заняты несколько иным, но они не показатель и не делают статистики, с ними сложно и неудобно. Лучше вынести их за скобки, сделать исключением из правила. Позолотить, повесить в рамочке на почетное место, иногда сдувать пыль.

И жить дальше.

«Ничего нет более раздражающего, чем хороший пример».

Круг замыкается. Весело крутится карусель прогресса. Так что – да здравствуют пороки!

Ведь, если подумать, вся литература – о пороках, борьбе со страстями, их победе и проигрыше оптового человека. Да, человек розничный, единичный, страсти побеждал, к вершинам духа возносился – но остальным героям романов, поэм и драм приходилось бороться и страдать, любить и наслаждаться.

Весь театр и кинематограф – про то же самое. В веселом проходимце, неунывающей блуднице, удачливом воришке, оправданной глупышке – люди узнают себя. Сочувствовать себе, в лице разнопланового грешника оправдывать себя – это привычно, приятно и понятно. А раскаявшегося грешника хочется простить. С мыслью о том, что ты нагресишь и все-таки будешь прощен – как милосердным Богом, так и окружающими, живи себе, мил человек. Ну, старайся, конечно. Не врать, например. Ложь – это плохо. Но и тут есть свои нюансы.

Марк Твен занимался бизнесом. Марк Твен участвовал в выборах. Марк Твен знает о лжи все. Она так могуча, всесильна и непобедима, что из порока превратилась если не в добродетель, так в необходимый элемент прогресса. Что изменилось за почти что 200 лет с того момента, как этот американец вот так высказался по поводу сортов лжи:

«...В мире широко распространены некоторые приятно пахнущие, обсахаренные разновидности лжи, и, очевидно, все занимающиеся политикой люди безмолвно согласились поддерживать их и способствовать их процветанию. Одна ложь гласит, что в мире существует такая вещь, как независимость: независимость взглядов, независимость мысли, независимость действий. Другая – что мир любит проявления независимости, что он восхищается ею, приветствует ее. Еще одна – что в мире существует такая вещь, как терпимость в религии, в политике и так далее; а из этого вытекает уже упомянутая вспомогательная ложь, что терпимостью восхищаются, что ее приветствуют. Каждая такая разновидность лжи – ствол, а от нее ответвляется множество других: та ложь, будто не все люди рабы, та ложь, будто люди радуются чуждому успеху, чуждому счастью, чуждому возвышению и полны жалости, когда за ним следует падение. И еще одна ложь-ответвление: будто человеку присущ героизм, будто злоба и предательство – это не основа основ его природы, будто он не всегда бывает трусом, будто в нем есть нечто, заслуживающее вечности – в раю ли, в аду или где бы то ни было. И еще одна ложь-ответвление: будто совесть, эта моральная аптечка человека, не только создана Творцом, но и вкладывается в человека уже снабженная единственно правильными, истинными и подлинными рецептами поведения, и что точно такие же аптечки с точно такими же коррективами, извечные и неизменные, распределяются между всеми народами во все эпохи. И еще одна ложь-ответвление: будто я – это я, а ты – это ты, будто мы – нечто самостоятельное, индивидуальное, обладающее собственным характером, а вовсе не кончик глистообразной вереницы предков, непрерывной чередой уходящей все дальше и дальше в глубь веков, к обезьянам; и будто эта наша так называемая индивидуальность не является на самом деле заплесневелой и прогорклой мешаниной наследственных инстинктов и понятий, заимствованных частица за частицей, мерзость за мерзостью от всей этой жалкой вереницы, причем истинно нового и оригинального в нас наберется ровно столько, чтобы подцепить на острие иголки и рассматривать под микроскопом. Отсюда понятно, почему таким фантастическим кажется утверждение, будто человек обладает личной, неповторимой и самостоятельной натурой, которую можно отделить от всего наносного в объеме, дающем возможность сказать: да, это человек, а не процессия...»

Все так и есть, ничего с момента написания этих слов не изменилось. А мы спокойно живем дальше – и даже пытаемся получить от этого удовольствие.

«В первую половину жизни вы способны ею наслаждаться, но не имеете возможности; во вторую половину у вас есть возможность наслаждаться, но вы на это уже не способны».

Ведь если грамотно распорядиться своими пороками, систематизировать их, в нужный момент подстегивать тот, который больше всего подходит данной ситуации, жизнь покажется цветущим садом. Или, по крайней мере, довольно пригодным для обитания местечком.

Плохо вести себя в обществе – тоже отрицательное качество, недостаток, порок. Но одно дело, когда это делаешь ты сам. Тут, как мы помним, для себя, грешника, можно найти оправдание. Но когда кто-то плохо ведет себя по отношению к нам, мы становимся беспощадными, не спускаем, не позволяем, требуем покарать...

То же самое происходит, когда заходит речь просто о поведении, которое, на наш взгляд (вариант: по мнению общества, в силу традиции, которой придерживаются в данной организации, городе, общине) является недопустимым. Это все, разумеется, условности, придуманные тем или иным сообществом людей, не факт, что особо целомудренных, нравственных и порядочных. Но тем не менее. Осуждение, клеймо преступника, требование исправиться...

«Ничто так не нуждается в исправлении, как чужие привычки».

Марк Твен видит человека насквозь. Понимает, что он хорош и плох одновременно, силен и слаб. Он строитель и разрушитель – и в том числе собственной жизни, собственной судьбы. А также судеб близких и тех, кто волей-неволей от него зависит. Но главное – Марк Твен понимает и дает понять своим читателям, что быть просто хорошим, просто положительным, просто добрым и просто созидательным – возможно. Вопрос в том, что мало кому нужна модель мира, при которой можно, нужно, удобно и приятно вести себя так. Хоть большинство людей (наделенных властью и имеющих богатство, сферы влияния и прочие тайные и явные рычаги воздействия) на публику утверждают обратное.

И от этого ирония писателя особенно горька.

«Никогда не поступайте дурно при свидетелях».

Люди – и плохие, и хорошие, тут уж без иронии, – не очень любят нести ответственность за свои поступки. Марк Твен устами одного из самых любимых своих персонажей, мало воспитанного и необразованного Гекльберри Финна, проводит мысль по этому поводу:

«Это уж всегда так бывает: сделает человек подлость, а отвечать за нее не хочет – думает: пока этого никто не знает, так и стыдиться нечего» —

Человек – существо общественное. Вынужден казаться лучше, чем он есть. Чтобы качественно коммуницировать с другими и сохранять о себе хорошее мнение, Марк Твен и тут с подказкой. Без свидетелей твори что хочешь... Ну подумаешь, Бог видит, а люди-то нет!

Как можно заметить, Марк Твен за много-много лет до Григория Остера раздавал вредные советы населению. Делал он это очень убедительно, ненавязчиво.

«Если вас кто-то обидел, и вы сомневаетесь, намеренно он так поступил или нет, не прибегайте к крайним мерам; просто дождитесь своего часа и огрейте обидчика кирпичом. Этого будет достаточно. Если же выяснится, что он не намеревался вас обидеть, проявите великодушие, скажите, что были не правы, признайте свою ошибку, как и подобает мужчине, объясните, что вы этого не хотели. Да – всегда избегайте насилия»...

Этот неисправимый гуманист надеялся, что таким методом – от противного – можно повлиять на людей, заставить их что-то осознать, изменить свое поведение. Ему это не удалось. Да и никому, будь то Толстой или Оруэлл, не удалось тоже. Только особо сознательные единицы стараются – ну так и пусть отдуваются за все человечество.

«Нам нравятся люди, которые смело говорят нам, что думают. При условии, что они думают так же, как мы».

Марк Твен неоднократно подмечает в своих произведениях, как настоятельно мы требуем снисхождения к себе, насколько бываем нетерпимы по отношению к другим, как падки до лести, как жаждем, чтобы наше мнение было единственно правильным. Как не хочется людям подходить к себе с жестким мерилом – и как требовательны они к другим. И особенно к тем, чье мнение не совпадает с их.

Тут идет в ход любая форма защиты. И особенно хорошо удается высшее ее проявление – нападение.

«Когда ты сердит, считай до четырех; когда очень сердит, ругайся!»

Но это все на внешнем контуре. Развлекать, убажывать, возбуждать и перевозбуждать себя, губя этим самым то чудо, что нам дано по праву рождения, – быть воплощением Бога на земле – вот порочная практика, предназначенная для внутреннего потребления.

«Единственный способ сохранить здоровье – есть то, что не хочется, пить то, что не нравится, и делать то, чего не хочется».

Казалось бы, золотые, хоть и весьма ироничные по форме подачи, слова! То, чему нужно следовать, чтобы сохранить в чистоте и здравии доставшийся от Творца сосуд, носящий по земной жизни бессмертную душу. Но люди действуют ровно наоборот. Ведь что-то или кто-то советует отпустить на волю пороки – и наблюдениями за тем, как грамотно люди это делают, Марк Твен занимался всю свою жизнь. Даже принимал в этом живое участие. И начал, как он сам признается, весьма рано.

К 10 годам Марк Твен (но начинал-то Сэм Клеменс, конечно же!) был уже опытным курильщиком и на всю жизнь сохранил страсть к дешевым и крепким сигарам.

«Сначала Бог создал мужчину, потом он создал женщину. Потом Богу стало жалко мужчину, и он дал ему табак».

Но, как всегда, движущей силой возникновения всех пороков и уж тем более детского табакокурения, явилась женщина. Вот что пишет Марк Твен по этому поводу, вспоминая былое:

«...Рослая девица лет 15, в коленкоровом платье и широкополой шляпе, какие тогда носили, спросила меня, потребляю ли я табак, – то есть жую ли я его. Я сказал, что нет. Она посмотрела на меня презрительно и немедленно обличила перед всеми остальными:

– Глядите, мальчишке семь лет, а он не умеет жевать табак!

По взглядам и комментариям, которые за этим последовали, я понял, что пал очень низко, и жестоко устыдился самого себя».

Устыдился – и, как рассказывает Марк Твен в своей автобиографии, устыдившись, общился ко всем формам табакопотребления.

«Самый лучший способ бросить курить – не начинать курить с детства».

Да-да, он как привык в юные годы курить табачные изделия американских бюджетных марок, так и не изменял своей привычке. Жена и дети были вынуждены смириться. Когда Марк Твен работал, в его кабинете дым стоял коромыслом. Дом, естественно, пропитывался табачным запахом тоже. Никакие духи и притирания не могли спасти от него детские и дамские наряды. Но любовь выдерживает и не такое. Сострадание и понимание стойко переносят смрад.

Шутки шутками, а курил писатель действительно много.

Не бросил он это занятие до самой смерти.

Что и говорить: привычка – вторая натура.

Кто-то из его окружения пошутил, что любимый сорт сигар Марка Твена называется «Двадцать пять центов за ящик». А может, он и сам запустил это остроумное название в инфопространство. Так или иначе, но оно запомнилось и прижилось.

Люди из общества потребления продукции высшего качества не одобряли его выбора. Потребители товаров нижнего ценового сегмента тоже его не понимали. Выбрался наверх, считали они, – пользуйся благами, положенными по статусу. Их можно понять – они курили гадость из экономии. Выбились бы в господа – моментально перешли бы на элитный табачок. Белое пальто и жизнь в особняках на Марка Твена должного влияния не производили. Скорее всего, полюбившимися в юные годы простецкими сигарами он не планировал никого шокировать. Просто к ним привык и их любил. Разве что хотелось доказать – зачастую люди больше ценят марки, чем качество. Переклейте лейблы – не раз предлагал он – и вряд ли кто-то отличит элитную сигару от дешманской.

Иногда Марк Твен даже ставил эксперименты – чтобы проверить правильность своих выводов.

Вот как он сам писал об этом:

«Однажды я пригласил на ужин 12 близких друзей. Один из них славился своим пристрастием к дорогим, изысканным сигарам, точно так же, как я – к дешевым и скверным. Предварительно я наведалься к нему и, когда никто не видел, заимствовал из его ящика две пригорини его любимых сигар; они стоили по сорок центов штука и в знак своего благородного происхождения были украшены красным с золотом ярлыком. Я содрал ярлык и положил сигары в ящик, на котором красовалась моя излюбленная марка – все мои друзья знали эту марку и боялись ее, как заразы. Когда после ужина я предложил сигары, они закурили, героическими усилиями стараясь выдержать выпавшее на их долю испытание. Веселость их как рукой сняло, все сидели в мрачном молчании. Их мужественной решимости хватило ненадолго: один за другим друзья бормотали извинения и с неприличной поспешностью бросались вон из дома, наступая друг другу на пятки. Когда утром я вышел посмотреть, чем кончился мой эксперимент, все сигары валялись на дорожке между парадной дверью и калиткой. Все, кроме одной, – эта лежала на тарелке моего друга, у которого я их позаимствовал. Видно, больше двух затяжек он не вынес. Позднее он сказал мне, что когда-нибудь меня пристрелят, если я буду травить людей такими сигарами».

Как видим, друзья не отличили дешевые сигары от дорогих. Вот такая она – сила убеждения и безграничная власть рекламы.

И точно так же, уверял Марк Твен, обстоит дело с любым товаром. В подавляющем количестве случаев отличить сложно. Сила слова, сила дыма, сила убеждения – это и есть сила... Кто-то да прислушается к его призывам – надеялся этот писатель-гуманист. Убедит другого слепо не восхищаться известными брендами и раскрученными марками, искать свое и формировать личные пристрастия.

«Двадцатипятилетние юнцы с семилетним опытом курения пытаются мне втолковать, какие сигары хорошие, а какие плохие. Это мне-то! Да мне даже не надо было учиться курить – я курил всю свою жизнь; да я только появился на свет – сразу попросил огонька!»

Стоит заметить, что Марк Твен гораздо терпимее, с пониманием и даже порой сочувствием относится к порокам, которые связаны с тем, как люди губят свое брэнное тело и «подгубливают» душу. Пьяницы, курильщики, сквернословы и прочие нечестивцы – порой самые обаятельные его персонажи.

Да, он безжалостен к тем, кто губит души ложью, предательством, воровством, лицемерием и ханжеством. Не говоря уже об убийствах и завоеваниях. Но вот как рыбак рыбака видит издалека, так и несчастных алкоголиков да прочих бедолаг, обуянных пороками, он в своих произведениях описывает так, что снисхождение, по крайней мере, читательское, им гарантировано. Может, потому, что сам в этом плане не безгрешен?

«Я взял себе за правило никогда не курить во сне и никогда не воздерживаться от курения, когда я не сплю».

В бытовой жизни, произведениях, письмах, во время лекций он шутил по этому поводу, иронизировал. И продолжал дымить и травиться, активно подключая к этому процессу окружающих.

Здоровье и его порча – частые темы его шуток.

«Одна дама таяла день ото дня и под конец дошла до такого состояния, когда ей уже не помогали никакие лекарства. Я сказал, что за неделю поставлю ее на ноги. Я посоветовал ей на четыре дня бросить курить, сквернословить, пить и объедаться и обещал, что она тотчас выздоровеет.

Не сомневаюсь, что так бы и вышло, но больная сказала, что не может бросить пить, курить и сквернословить, потому что никогда ничем таким не занималась.

Вот так штука! Она не позаботилась вовремя застисить дурными привычками, у нее их не было. Теперь, когда они могли бы ей пригодиться, их не оказалось. Ей не на что было опереться».

Очень остроумно он высказывался о чрезмерном употреблении спиртных напитков.

Да, пить, конечно, вредно, вместе со своими персонажами соглашался писатель, но...

«Перейдя на трезвый образ жизни, вдруг замечаешь, что в стельку пьян от запаха водочной пробки».

В состоянии несколько измененной алкоголем и прочими излишествами реальности проживали свой век многие люди, с детства окружавшие Марка Твена. Эта традиция хорошо зарекомендовала себя и в журналистской, и в писательской среде. Люди старались подстегнуть свои когнитивные способности, фантазию, красноречие – и к их услугам были винно-водочные изделия в комплекте со всем остальным бодрящим дурманом. На войне за самое яркое слово, образ, поступок, бизнес-ход и прочее все средства хороши.

В те времена с порочными губительными пристрастиями, конечно, боролись – и словом, и делом. Часто борьба с ними была бизнесом. С тех заповедных времен, конечно же, ничего не изменилось...

«Они прочли лекцию насчет трезвости, но выручили такие гроши, что даже на выпивку не хватило».

Успех в борьбе был переменным.

«Вид пьяного непременно приводит на ум еще какую-нибудь историю с пьяным».

Зачастую при создании того или другого персонажа и придумывать ничего было не надо – Марку Твену требовалось только наблюдать за жизнью или вспоминать что-то из виденного ранее.

«В город, где действовал сухой закон, приехал чужак. Ему сказали, что спиртное продается только в аптеке. Он побегал в аптеку.

– Без рецепта я могу продать спиртное лишь при укусе змеи, – объяснил аптекарь.

– Хорошо, где тут у вас змея?

Аптекарь дал ему адрес. Очень скоро приезжий вернулся назад:

– Ради бога, дайте мне выпить! Эта змея занята на полгода вперед!»

Так, может быть, можно попытаться извлечь выгоду из собственных слабостей: пьянства, курения, переедания, неправильного образа жизни и других?

«Зарок воздержания не может сделать плохой виски хорошим, но может улучшить его вкус».

«Вообразите радость человека, попавшего в волшебную страну, где текут реки из водки и вина, а вода продается за деньги и считается деликатесом. Очень скоро он втягивается в питье дорогостоящей воды и впадает в беспутство. На вино не смотрит – оно слишком доступно, его слишком много. Мораль: запретительные законы вредны».

Марк Твен, как бизнесмен и «инженер человеческих душ», «специалист по воздействию словом и образом» – проще говоря, писатель извлекал эту выгоду как мог. Галлоны виски, табачный дым, когда хоть топор вешай, услышанные Марком Твеном «соленые», порой на грани фола, хоть и потрясающе остроумные шутки, эпатазирующие наряды, привычки, знакомства, – все шло в дело, все летело в топку котла, называемого «литературное творчество».

«Жаль, что столько хороших вещей на свете пропадает даром только потому, что они вредны для здоровья. Не думаю, чтоб какая-нибудь пища, данная нам Богом, была вредна, если употреблять ее умеренно; за исключением микробов. Однако находятся люди, которые строго-настрого запретили себе пить, есть и курить все то, что пользуется сомнительной репутацией. Такой ценой они платят за здоровье. И, кроме здоровья, они ничего за это не получают. Удивительное дело! Это все равно, что истратить все свое состояние на корову, которая не дает молока...»

Он наблюдал и препарировал и более невинные страстишки – которые порой стоили жизни, чести и благосостояния охваченному ими. «Рассказ коммивояжера» – яркая тому иллюстрация.

«...Дядюшка мой вскоре оказался одержим этой пагубной страстью, хотя я в ту пору о том и не подозревал. Он стал охладевать к своей торговле свиной и вскоре совсем забросил ее, отдавая весь свой досуг неистовой погоне за диковинками. Денег у него куры не клевали, и он ничуть не скупился. Сперва он увлекся коровьими колокольчиками. Он собрал коллекцию, заполнившую пять больших залов, где были представлены все когда-либо существовавшие колокольчики – всех видов, форм и размеров – за исключением одного: этот один, единственный в своем роде, принадлежал другому коллекционеру. Дядюшка предлагал за этот колокольчик неслыханные деньги, но владелец не согласился его продать. Вы, наверное, догадываетесь, чем все это кончилось. Для истинного коллекционера неполная коллекция не стоит и ломаного гроша. Любвеобильное сердце его разбито, он распродает свои опостылевшие сокровища и ищет для себя области еще неизведанной. <...> Так получилось и с дядюшкой Итуриэлем. Теперь он занялся обломками кирпичей. Собрал огромную и необычайно интересную коллекцию – но здесь его вновь постигла та же неудача; любвеобильное сердце его вновь разбилось, и он продал сокровище души своей удалившемуся от дел пивовару – владельцу недостающего

обломка. После этого он принялся было за кремниевые топоры и другие орудия первобытного человека, но вскоре обнаружил, что фабрика, на которой они изготавливаются, продает их также и другим коллекционерам. Занялся он памятниками письменности ацтеков и чучелами китов, сколько труда и денег потратил – и опять неудача. Когда его коллекция совсем было уже достигла совершенства, из Гренландии прибыло новое чучело кита, а из Кундуранго (Центральная Америка) – еще одна надпись на языке ацтеков, и все собранное им прежде померкло перед ними. Дядюшка отправился в погоню за этими жемчужинами. Ему повезло купить кита, но надпись ускользнула из его рук к другому коллекционеру. Вы, должно быть, и сами знаете: настоящий Кундуранго – неоценимое сокровище, и всякий коллекционер, раз завладев им, скорее расстанется с собственной семьей, чем с такой драгоценностью. И дядюшка вновь распродал свою коллекцию и с болью смотрел, как навеки уплывает от него все счастье его жизни; и за одну ночь его черные как вороново крыло волосы побелели как снег.

Теперь дядюшка призадумался. Он знал, что нового разочарования ему не пережить. И решил он собирать такие диковинки, каких не собирает ни один человек на свете. Поразмыслил как следует и решился еще раз попытать счастья. На сей раз он стал коллекционировать эхо.

<...> А теперь, сэр, если вы будете так любезны взглянуть на эти карты и планы, то я смогу продать вам эхо гораздо дешевле, чем любой из моих конкурентов. Вот это, например; 30 лет тому назад оно стоило моему дядюшке 10 долларов. И это одно из лучших в Техасе. Я могу вам уступить его за...

– Разрешите прервать вас, друг мой, – сказал я, – мне сегодня просто нет покоя от коммивояжеров. Я уже купил совершенно не нужную мне швейную машинку; купил карту, на которой все перепутано; часы – они и не думают ходить; порошок от моли, – но оказалось, что моль предпочитает его всем другим лакомствам; я накупил кучу всевозможных бесполезных новинок, и теперь с меня хватит. Я не возьму ни одного из ваших эхо, даже если вы отдадите мне его даром. Я бы все равно от него сразу же отделался. Всегда терпеть не мог людей, которые пытались продать мне всякое эхо. Видите этот револьвер? Так вот, забирайте свою коллекцию и уходите подобру-поздорову. Постараемся обойтись без кровопролития.

Но он лишь улыбнулся милой грустной улыбкой и вынул из портфеля еще несколько планов и схем. И, разумеется, исход был таков, каким он всегда бывает в таких случаях, – ибо, раз открыв дверь коммивояжеру, вы уже совершили роковой шаг, и вам остается лишь покориться неизбежному.

Прошел мучительнейший час, и мы наконец сговорились. Я купил два двукратных эха в хорошем состоянии, и он дал мне в придачу еще одно, которое, по его словам, невозможно было продать потому, что оно говорит только по-немецки. Он сказал: «Когда-то оно говорило на всех языках, но теперь у него повывадали зубы, и оно почему-то говорит только по-немецки».

Марк Твен любил сквернословить, ценил хорошую шутку – злую, циничную, едкую, грязную. С удовольствием слушал, как ругались матом, – работа в речном флоте дала ему возможность учиться у специалистов высочайшего уровня. В этом деле он тоже преуспел – мог заложить фразу семиэтажным матом, да с подвыподвертом. И мощно шокировать образованную публику. Шедевры низового юмора, особенно в исполнении специалистов, давали пищу для воображения, являлись хорошим материалом для последующей художественной обработки. Марк Твен охотно прибегал к этому неиссякаемому источнику.

Еще он читал лекции о том, какое место занимает пускание газов в социальной жизни общества, о самоудовлетворении и прочих веселых выкрутасах. Он сыпал научными терминами, с умным видом рассказывал о разновидностях мелких и крупных извращений, о влиянии их на организм человека, его имидж и место в обществе, приводил множество цитат и высказываний известных личностей по поводу всего этого. Люди ахали – и верили. До изобретения социальных сетей оставалось 100 с небольшим лет...

«Не стоит тратить силы на то, чтобы говорить людям правду, когда они и так принимают за чистую монету все, что бы им ни говорили».

А что же по поводу всего этого должна говорить совесть? То самое мерило всех человеческих ценностей, прокрустово ложе поведения?

«Если бы у меня была дворняга, такая же надоедливая, как человеческая совесть, я отравил бы ее».

Так считает все тот же Гекльберри Финн. В уста простака-хулигана Марк Твен вкладывает свой невеселый вывод из наблюдений за человеком и человечеством.

Да, скрываясь за веселой дымовой завесой контролируемых (как кажется ему, да и всем нам – до поры до времени) страстей и пороков, Марк Твен больше всего размышляет об одном и том же – этом самом законе внутри нас. Как бы он ни смеялся и ни иронизировал – Марк Твен не был бы Марком Твеном, если бы в первую очередь не задавался бы именно этим вопросом.

Совесть, нравственность. Да и Оливия бы не одобрила.

В 1876 году выходит рассказ «Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут».

Сюжет такой: к главному герою приходит его совесть в виде безобразного карлика и объясняет, что когда-то, когда он был юн, и совесть его выглядела иначе. Но он взрослеет, мужает – а совесть становится все безобразнее. Герой в ужасе. И решает уничтожить мерзкое существо. Наверняка к миллионам людей приходил подобный персонаж. Типизация – страшная вещь. Жестокая, правдивая и убедительная.

Вот он, этот рассказ. С некоторыми сокращениями (для удобства чтения), но от этого не менее впечатляющий:

«Я был весел, бодр и жизнерадостен. Только успел поднести зажженную спичку к сигаре, как мне вручили утреннюю почту. Первый же конверт, на котором остановился мой взгляд, был подписан почерком, заставившим меня задрожать от восторга. Это был почерк моей тетушки Мэри, которую после моих домашних я любил и уважал больше всех на свете. Она была кумиром моих детских лет, и даже зрелый возраст, столь роковой для многих юношеских увлечений, не сверг ее с пьедестала, – наоборот, именно в эти годы право тетушки безраздельно царить в моем сердце утвердилось навеки. Чтобы показать, насколько сильным было ее влияние на меня, скажу лишь следующее: еще долгое время после того, как замечания окружающих, вроде: «Когда ты наконец бросишь курить?», совершенно перестали на меня действовать, одной только тете Мэри, – когда она касалась этого предмета, – удавалось пробудить мою дремлющую совесть и вызвать в ней слабые признаки жизни. Но увы! Всему на свете приходит конец. Настал и тот счастливый день, когда даже слова тети Мэри меня уже больше не трогали. Я восторженно приветствовал наступление этого дня, более того – я был преисполнен величайшей благодарности, ибо к концу этого дня исчезло единственное темное пятно, способное омрачить радость, какую всегда доставляло мне общество тетушки. Ее пребывание у нас в ту зиму доставило всем огромное удовольствие. Разумеется, и после того блаженного дня тетя Мэри продолжала настойчиво уговаривать меня отказаться от моей пагубной привычки. Однако все эти уговоры решительно ни к чему не повели, ибо стоило ей коснуться сего предмета, как я тотчас же выказывал спокойное, невозмутимое, твердое как скала равнодушие. <...>

Она приезжает! Приезжает не далее как сегодня, и притом утренним поездом. Значит, ее можно ожидать с минуты на минуту. Я сказал себе: «Теперь я совершенно доволен и счастлив. Если бы мой злейший враг явился сейчас предо мною, я бы с радостью загладил все то зло,

которое ему причинил». Не успел я произнести эти слова, как дверь отворилась, и в комнату вошел сморщенный карлик в поношенной одежонке. Он был не более двух футов ростом. Ему можно было дать лет сорок. <...> Это маленькое существо было воплощением уродства – неуловимого, однако равномерно распределенного, хорошо пригнанного уродства. Лицо и острые маленькие глазки выражали лисью хитрость, настороженность и злобу. И тем не менее у этого дрянного огрызка человеческой плоти было какое-то отдаленное, неуловимое сходство со мной! Карлик смутно напоминал меня выражением лица, жестами, манерой и даже одеждой. У него был такой вид, словно кто-то неудачно пытался сделать с меня уменьшенный карикатурный слепок. Особенно отталкивающее впечатление произвело на меня то, что человек был с ног до головы покрыт серо-зеленым мохнатым налетом – вроде плесени, которая иногда бывает на хлебе. Вид у него был просто тошнотворный. Он решительно пересек комнату и, не дожидаясь приглашения, с необыкновенно наглым и самоуверенным лицом развалился в низком кресле, бросив шляпу в мусорную корзину. Затем он поднял с полу мою старую пенковую трубку, раза два вытер о колено чубук, набил трубку табаком из стоявшей рядом табакерки и нахальным тоном потребовал:

– Поддай мне спичку!

Я покраснел до корней волос – отчасти от возмущения, но главным образом оттого, что вся эта сцена напомнила мне – правда, в несколько преувеличенном виде – мое собственное поведение в кругу близких друзей. Разумеется, я тут же отметил про себя, что никогда, ни разу в жизни не вел себя так в обществе посторонних. Мне очень хотелось швырнуть карлика в камин, но смутное сознание того, что он помыкает мною на некоем законном основании, заставило меня повиноваться его приказу. Он прикурил и, задумчиво попыхивая трубкой, отвратительно знакомым мне тоном заметил:

– Чертовски странная нынче стоит погода.

Я снова вспыхнул от гнева и стыда, ибо некоторые его словечки – на этот раз без всякого преувеличения – были очень похожи на те, какие и я в свое время частенько употреблял. Мало того, он произносил эти слова таким тоном и так отвратительно их растягивал, что вся его речь казалась пародией на мою манеру разговаривать. Надо сказать, что я нище всего на свете не переношу насмешек над своей привычкой растягивать слова.

Я резко сказал:

– Послушай, ты, ублюдок несчастный, веди себя прилично, а не то я выкину тебя в окно!

Нисколько не сомневаясь в том, что его безопасности ничто не угрожает, человечешко самодовольно и злорадно улыбнулся, с презрением пустил в меня дымом из трубки и, еще сильнее растягивая слова, проговорил:

– Ну, ну, полегче на поворотах. Не стоит так зазнаваться.

Это наглое замечание резнуло мне ухо, однако на минуту охладило мой пыл.

Некоторое время пигмей не сводил с меня лисьих глазок, а затем глумливо продолжал:

– Сегодня утром ты прогнал бродягу.

– Может, прогнал, а может, и нет, – раздраженно возразил я. – А ты-то почему знаешь?

– Знаю, и все. Не все ли равно, откуда я узнал.

– Отлично! Допустим, что я действительно прогнал бродягу, – ну и что из этого?

– О, ничего, ничего особенного. Но только ты ему солгал.

– Я не лгал! То есть я...

– Нет, ты солгал.

Я почувствовал укол совести. По правде говоря, прежде чем бродяга дошел до конца квартала, она успела кольнуть меня раз сорок. Тем не менее я решил притвориться оскорбленным и заявил:

– Это беспардонная клевета. Я сказал бродяге...

– *Постой. Ты хотел солгать еще раз. Я-то знаю, что ты ему сказал. Ты сказал, что кухарка ушла в город и что от завтрака ничего не осталось. Ты солгал дважды. Ты отлично знал, что кухарка стоит за дверью и что в доме полно провизии.*

Эта поразительная осведомленность заставила меня замолчать, и я с удивлением подумал, из какого источника этот сопляк мог почерпнуть свои сведения. <...> Это было сказано с каким-то дьявольским злорадством. <...> Каждая его фраза была осуждением, и при том осуждением справедливым. Каждое замечание дышало сарказмом и насмешкой, каждое неторопливо произнесенное слово жгло как огонь. Карлик напомнил мне о том, как я в ярости набрасывался на своих детей, наказывая их за проступки, которых, как я мог легко убедиться, если б дал себе хоть немного труда, они вовсе не совершали. Он напомнил мне, с каким вероломством я спокойно выслушивал клевету на старых друзей и, вместо того чтобы защитить их от злословия, трусливо молчал. Он напомнил мне о множестве совершенных мною бесчестных поступков, из коих многие я потом сваливал на детей или на другие безответные существа. Он напомнил мне даже о тех подлых деяниях, которые я намеревался совершить, – и не совершил лишь потому, что боялся последствий. <...>

– *Вспомни, например, историю с твоим младшим братом. Много лет назад, когда вы оба были еще детьми, все твое вероломство не могло поколебать его любовь и привязанность к тебе. Он ходил за тобой, как собачонка, готовый терпеть любые обиды и унижения, лишь бы с тобой не разлучаться; он терпеливо сносил все удары, наносимые твоею рукой. Да послушит тебе утешением память о том дне, когда ты в последний раз видел его целым и невредимым! Поклявшись, что, если он позволит завязать себе глаза, с ним ничего дурного не случится, ты, захлебываясь от смеха в предвкушении редкостного удовольствия, втолкнул его в ручей, покрытый тонким слоем льда. Как ты хохотал! Тебе никогда не забыть того кроткого укоризненного взгляда, который бросил на тебя твой брат, когда он, дрожа всем телом, выбирался из ледяной воды, – никогда, хотя бы ты прожил еще тысячу лет! Ага! Он и сейчас стоит перед тобой!*

– *Ах ты, мерзавец! Я видел его миллион раз и увижу еще столько же. А за то, что ты посмел снова напомнить мне о нем, желаю тебе сгнить заживо и до самого Страшного суда терпеть те мучения, какие я испытываю в эту минуту!*

Карлик самодовольно ухмыльнулся и продолжал перечислять мои прегрешения. <...>

– *Замолчи на минутку, дьявол! Замолчи! Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе известны даже мои мысли?*

– *Очень может быть. Разве ты не думал о том, что я сейчас сказал?*

– *Не жить мне больше на этом свете, если я об этом не думал! Послушай, друг мой, посмотри мне прямо в глаза. Кто ты такой?*

– *А как ты думаешь?*

– *Я думаю, что ты сам сатана. Я думаю, что ты дьявол.*

– *Нет.*

– *Нет? Кто же ты в таком случае?*

– *Ты и вправду хочешь узнать, кто я?*

– *Разумеется, хочу.*

– *Ну, так знай же – я твоя Совесть!*

Я мгновенно возликовал. С диким восторженным воплем я кинулся к этой жалкой твари.

– *Будь ты проклят! Я сто миллионов раз мечтал о том, чтобы ты был из плоти и крови, чтобы я мог свернуть тебе шею! О, теперь-то я тебе отомщу!*

Безумное заблуждение! Карлик с быстротой молнии подпрыгнул, и в тот самый миг, когда мои пальцы сомкнулись, сжимая пустоту, он уже сидел на верхушке книжного шкафа, насмешливо показывая мне нос. Я бросил в него кочергу, но промахнулся. Я запустил в него

колодкой для сапог. В бешеной ярости я метался из угла в угол, швыряя в него всем, что попало под руку. <...> Но все было напрасно – проворная тварь увертывалась от всех снарядов. Мало того, когда я в изнеможении опустился на стул, карлик разразился торжествующим смехом. <...> Вдруг в комнату вошел один из моих сыновей. Не закрыв за собою дверь, он воскликнул:

– Вот это да! Что тут стряслось? Книжный шкаф весь словно решето...

Я в ужасе вскочил и заорал:

– Вон отсюда! Убирайся! Катись! Беги! Закрой дверь! Скорее, а не то моя Совесть удерет!

Дверь захлопнулась, и я запер ее на ключ. Бросив взгляд наверх и убедившись, что мой повелитель все еще у меня в плену, я обрадовался до глубины души. Я сказал:

– Черт возьми, ведь я же мог тебя лишиться! Дети так неосторожны. Но послушай, друг мой, мальчик тебя, кажется, даже не заметил. Как это может быть?

– Очень просто. Я невидим для всех, кроме тебя.

Я с глубоким удовлетворением отметил про себя эту новость. Теперь, если мне повезет, я смогу убить злодея, и никто ничего не узнает. Однако от одной этой мысли мне стало так легко на душе, что карлик едва усидел на месте и чуть было не взмыл к потолку, словно детский воздушный шар. Я сразу же сказал:

– Послушай-ка, Совесть, давай будем друзьями. Выбросим на время белый флаг. Мне необходимо задать тебе несколько вопросов.

– Отлично. Валяй.

– Прежде всего я хотел бы знать, почему я тебя до сих пор ни разу не видел?

– Потому что до сих пор ты ни разу не просил меня явиться. То есть я хочу сказать, что ты не просил меня об этом в надлежащей форме и находясь в соответствующем расположении духа. Сегодня ты был как раз в соответствующем расположении духа, и когда ты позвал своего злейшего врага, оказалось, что это именно я и есть, хотя ты о том и не подозревал.

– Неужели мое замечание заставило тебя облечься в плоть и кровь?

– Нет. Но оно сделало меня видимым для тебя. Как и другие духи, я бесплотен.

От этого известия мне стало не по себе. Если он бесплотен, то как же я его убью? Однако я притворился спокойным и убедительным тоном произнес:

– Послушай, Совесть, с твоей стороны не слишком любезно держаться на таком большом расстоянии. Спускайся вниз и закури еще.

Ответом мне был насмешливый взгляд и следующие слова:

– Ты хочешь, чтоб я сам явился туда, где ты сможешь меня схватить и убить?

Предложение с благодарностью было отклонено. «Отлично, – подумал я про себя, – стало быть, призрак тоже можно прикончить. Будь я проклят, если сейчас на свете не станет одним призраком меньше!» <...>

– Мой мальчик, в ту минуту, когда ты сделал меня видимым, во всем мире не было более удовлетворенной Совести, чем я. Это дает мне неоценимое преимущество. Теперь я могу смотреть тебе прямо в глаза, обзывать тебя дурными словами, насмехаться, издеваться и глумиться над тобой, а тебе известно, сколь красноречивы жесты и выражение лица, особенно, если они подкрепляются внятной речью. Отныне, дитя мое, я всегда буду говорить с тобой т-в-о-и-м с-о-б-с-т-в-е-н-н-ы-м х-н-ы-ч-у-щ-и-м т-о-н-о-м!

Я запустил в него совком для угля. Безрезультатно. <...>

– Мой долг и моя отрада заставлять тебя раскаиваться во всех твоих поступках. Если я упустил какую-нибудь возможность, то, право же, сделал это не нарочно, уверяю тебя, что не нарочно.

– Не беспокойтесь. Насколько мне известно, вы не упустили ровно ничего. За всю свою жизнь я не совершил ни одного поступка – безразлично, был ли он благородный или нет, – в котором не раскаялся бы в течение ближайших суток. Прошное воскресенье я слушал в церкви проповедь о благотворительности. Первым моим побуждением было пожертвовать долларов. Я раскаялся в этом и сократил сумму на сотню; потом раскаялся в этом и сократил ее еще на сотню; раскаялся в этом и сократил ее еще на сотню; раскаялся в этом и сократил ее еще на сотню; раскаялся в этом и сократил оставшиеся 50 долларов до 25; раскаялся в этом и дошел до 15; раскаялся в этом и сократил сумму до 2,5 долларов. Когда наконец ко мне поднесли тарелку для подаяний, я раскаялся еще раз и пожертвовал 10 центов. И что же? Возвратившись домой, я стал мечтать, как бы получить эти 10 центов обратно! Вы ни разу не дали мне спокойно прослушать ни одной проповеди о благотворительности.

– И не дам, никогда не дам. Можешь всецело положиться на меня.

– Не сомневаюсь. Я провел множество бессонных ночей, мечтая схватить вас за горло. Хотел бы я добраться до вас теперь!

– О да, конечно. Но только я не осел, а всего лишь седло на осле. Однако продолжай, продолжай. Ты меня отлично развлекаешь. <...>

В эту минуту на лестнице послышались торопливые шаги. Я открыл дверь, и в комнату ворвалась тетя Мэри. За радостной встречей последовал веселый обмен репликами по поводу разных семейных дел. Наконец тетушка сказала:

– Теперь я хочу тебя немножко побранить. В тот день, когда мы расстались, ты обещал, что будешь не хуже меня заботиться о бедном семействе, которое живет за углом. И что же? Я случайно узнала, что ты не сдержал своего слова. Хорошо ли это?

По правде говоря, я ни разу не вспомнил об этом семействе! Я осознал свою вину, и тяжело стало у меня на душе! Взглянув на свою Совесть, я убедился, что мое раскаяние подействовало даже на этого гнусного урода. Он весь как-то сник и чуть не свалился со шкафа.

Тетя Мэри продолжала:

– Вспомни, как ты пренебрегал моей подопечной из богадельни, мой милый жестокосердный обманщик!

Я пунцово покраснел, и язык мой прилип к гортани. По мере того как чувство вины давило меня все сильнее и сильнее, уродливый карлик начал тяжело раскачиваться взад и вперед, а когда после короткой паузы тетя Мэри огорченно сказала:

– Поскольку ты ни разу не удосужился навестить эту несчастную одинокую девушку, быть может, теперь тебя не особенно огорчит известие о том, что несколько месяцев назад она умерла, всеми забытая и покинутая, – уродец, называющий себя моей Совестью, не в силах более переносить бремя моих страданий, свалился со своего высокого наместа головой вниз и с глухим металлическим стуком грохнулся об пол. Корчась от боли и дрожа от ужаса, лежал он там и, судорожно извиваясь всем телом, силится подняться на ноги. В лихорадочном волнении я подскочил к двери, запер ее на ключ, прислонился спиной к косяку и вперил настороженный взор в своего извивающегося повелителя. Мне до того не терпелось приняться за свое кровавое дело, что у меня просто руки чесались.

– Боже мой, что случилось? – воскликнула тетушка, в ужасе отшатываясь от меня и испуганно глядя в ту сторону, куда был направлен мой взгляд.

Я дышал тяжело и отрывисто и уже не мог сдерживать свое возбуждение. Тетушка закричала:

– Что с тобой? Ты страшен! Что случилось? Что ты там видишь? Куда ты устался? Что делается с твоими пальцами?

– Спокойно, женищина! – хриплым шепотом произнес я. – Отвернись и смотри в другую сторону. Не обращай на меня внимания. Ничего страшного не случилось. Со мной это часто бывает. Через минуту все пройдет. Это оттого, что я слишком много курю.

Мой искалеченный хозяин встал и с выражением дикого ужаса в глазах, прихрамывая, направился к двери. От волнения у меня перехватило дух. Тетушка, ломая руки, говорила:

– О, так я и знала, так и знала, что этим кончится! Умоляю тебя, брось эту роковую привычку, пока не поздно! Ты не можешь, ты не должен оставаться глухим к моим мольбам!

При этих словах извивающийся карлик внезапно начал выказывать некоторые признаки утомления.

– Обещай мне, что ты сбросишь с себя ненавистное табачное иго!

Карлик зашатался, как пьяный, и начал ловить руками воздух. О, какое упоительное зрелище!

– Прошу тебя, умоляю, заклинаю! Ты теряешь рассудок! У тебя появился безумный блеск в глазах! О, послушайся, послушайся меня – и ты будешь спасен! Смотри, я умоляю тебя на коленях!

В ту самую минуту, когда она опустилась передо мною на колени, урод снова зашатался и тяжело осел на пол, помутившимся взглядом в последний раз моля меня о пощаде.

– О, обещай мне! Иначе ты погиб! Обещай – и спасешься! Обещай! Обещай и живи!

Моя побежденная Совесть глубоко вздохнула, закрыла глаза и тотчас погрузилась в беспробудный сон! С восторженным воплем я промчался мимо тетушки и в мгновение ока схватил за горло своего смертельного врага. После стольких лет мучительного ожидания он наконец очутился в моих руках. Я разорвал его в клочья. Я порвал эти клочья на мелкие кусочки. Я бросил кровавые ошметки в горящий камин и, ликуя, вдохнул фимиам очистительной жертвы. Наконец-то моя Совесть погибла безвозвратно! Теперь я свободен! Обернувшись к тетушке, которая стояла, окаменев от ужаса, я вскричал:

*– Убирайся отсюда вместе со своими нищими, со своей благотворительностью, со своими реформами, со своими нудными поучениями. Перед тобою человек, который достиг своей цели в жизни; человек, душа которого покоится в мире, а сердце глухо к страданиям, горю и сожалениям; человек, у которого **НЕТ СОВЕСТИ!** На радостях я готов пощадить тебя, хотя без малейших угрызений Совести мог бы тебя задушить! Беги!*

Тетя Мэри обратилась в бегство. С этого дня моя жизнь – сплошное, ничем не омраченное блаженство. Никакая сила в мире не заставит меня снова обзавестись Совестью. Я свел все старые счета и начал новую жизнь. За первые две недели я убил 38 человек – все они пали жертвой старых обид. Я сжег дом, который портил мне вид из окна. Я обманным путем выманил последнюю корову у вдовы с несколькими сиротами. Корова очень хорошая, хотя, сдается мне, и не совсем чистых кровей. Я совершил еще десятки всевозможных преступлений и извлек из своей деятельности максимум удовольствия, тогда как прежде от подобных поступков сердце мое, без сомнения, разбилось бы, а волосы поседели...»

Чудесное доказательство от противного. Вот зачем человеку совесть.

Мысль об убийстве совести не давала автору покоя. Он не раз повторял ее в своих произведениях и дневниковых записях.

«Хорошие друзья, хорошие книги и дремлющая совесть – вот идеальная жизнь»...

Но если с первым и вторым у него все как-то более-менее наладилось, то вот третье – заставить дремать совесть – не удавалось никак.

Вот потому у человечества и есть теперь любимый писатель Марк Твен. А не диванный комментатор.

Глава 3. «Пьяный бродяга угнетал мою совесть...»

(как регулировать отношения с совестью)

С совестью, как уже было сказано, у Марка Твена имелись особые отношения.

Собственно говоря, у всех гуманистов они были такими. Разум, совесть, творчество и возможность как-то жить со всем этим дальше приводили всех их к разному итогу.

«Все мудрецы подразделяются на две разновидности: одни кончают с собой, другие спиваются, чтобы заглушить голос мысли».

У Марка Твена были жена и дети, любимые и ненаглядные, он жил и работал для них, так что обе формулы исхода он для себя возможными не видел, но думать так ничто ему не мешало.

А совесть работала его цензором. С самых ранних лет. Понятно, что без нее Сэмюэл Клеменс не стал бы писателем Марком Твенем, но вела она себя, конечно, безжалостно.

Она заставляла Сэмюэля, еще совсем маленького мальчика, принимать на себя грехи мира. И все плохое, что ему приходилось видеть (наказания, казни и прочее) он пропускал через свою душу.

«...Я принимал все эти трагедии на свой счет, прикидывая каждый случай по очереди и со вздохом говоря себе каждый раз: «Еще один погиб – из-за меня: это должно привести меня к раскаянию, терпение господне может истощиться». Однако втайне я верил, что оно не истощится. То есть я верил в это днем, но не ночью. С заходом солнца моя вера пропала, и липкий холодный страх сжимал сердце. Вот тогда я раскаивался. То были страшные ночи – ночи отчаяния, полные смертной тоски. После каждой трагедии я понимал, что это предупреждение, и каялся; каялся и молился: попрошайничал, как трус, клянчил, как собака, – и не в интересах тех несчастных, которые были умерщвлены ради меня, но единственно в своих собственных интересах. Оно кажется эгоизмом, когда я вспоминаю об этом теперь».

Мое раскаяние бывало очень искренним, очень серьезным, и после каждой трагедии я долго-долго раскаивался каждую ночь. Но обычно покаянное настроение не выдерживало дневного света. Оно бледнело, рассеивалось и таяло в радостном сиянии солнца. Оно было создано страхом и тьмой и не могло существовать вне собственной сферы. День одарял меня весельем и миром, а ночью я снова каялся. Я не уверен, что в течение всей моей мальчишеской жизни я когда-либо пытался вернуться на путь добродетели днем или желал на него вернуться. В старости мне никогда не пришло бы в голову пожелать чего-нибудь подобного. Но в старости, как и в юности, ночь приносит мне много тяжких угрызений. Я сознаю, что с самой колыбели был таким же, как и все люди, – не совсем нормальным по ночам».

«Будь неопрятен в одежде, если тебе так уж хочется, но душу держи в чистоте».

Соотношение человеческой души, совести и Бога были для Марка Твена мерилom человека. Как бы он ни насмешничал, каким бы сарказмом ни были наполнены его комментарии тех или иных явлений, событий, персон, чистота помыслов и деяний оказывались для него мерилom. Поэтому, как бы ни любил он своих персонажей – веселых грешников, жизнелюбивых проказников и хитроумных проходимцев, наивысшим величием исполнен персонаж, который неразрывно связан с подвигом. С любовью к Богу. Соизмерявший с Божьей волей все свои поступки. Это, конечно же, Жанна д'Арк (в произведении «Личные воспоминания о Жанне

д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря»). Совесть писателя, поднявшегося до вершин создания такого светлого образа, тоже должна быть чистой и гуманистической.

Что не мешало (а, скорее, даже помогало) ему с бороной сатиры проходиться по результатам деятельности церковников, смеяться над их лживой благочестивостью, стяжательством и прочими грехами, за которые они призывают карать паству, над смычкой их с властью.

И постоянно искать смысл того, для чего человечество запущено на Землю именно в таком виде и с таким поведением, что же это за такой Божий промысел и что с ним делать.

«О человеке. Это слишком обширная тема, чтобы рассматривать ее целиком; поэтому я коснусь теперь лишь одной-двух частных. Я хочу взглянуть на человека со следующей точки зрения, исходя из следующей предпосылки: что он не был создан ради какой-то разумной цели, – ведь никакой разумной цели он не служит; что он вообще вряд ли был создан намеренно и что его самовольное возвышение с устричной отмели до теперешнего положения удивило и огорчило Творца. Ибо его история во всех частях света, во все эпохи и при всех обстоятельствах дает целые океаны и континенты доказательств, что из всех земных созданий он – самое омерзительное...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.